

Евгения Мэйз

**НЕ ТОТ МУЖ.
ВОЗВРАЩЕНИЕ**

УДК 82-3
ББК 84
М97

Мэйз Е.

М97 Не тот муж. Возвращение / Евгения Мэйз – М.: Литнет, 2025. – 430 с.

ISBN 978-5-521-94065-3

– Ты выйдешь за меня, Ида? – спросил Илья, встав на одно колено.

Я не мечтала выйти за него замуж и видела на его месте совсем другого человека. Но мне сделали предложение, а я решила не отказываться и попробовать стать счастливой. Моему сыну нужен отец. Тот, глядя на которого, он будет учиться быть настоящим мужчиной.

– Убери руки от моей жены! – проговорил тот, чей голос я желала услышать хотя бы раз и не вспоминать одновременно. – Немедленно!

Много лет я считала его погибшим. Еще дольше тайно грезил о том, чтобы быть вместе с ним. Но теперь я точно разведусь, потому что я ненавижу этого самодовольного, эгоистичного, жестокого и не считающегося ни с кем... Или нет?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94065-3

© Литнет, 2025

© Е. Мэйз, 2025

Глава 1

– Еще один абзац, – проговорила я, потеряв переносицу. – Только один и все!

Я выпрямилась, едва откинувшись на спинку жутко удобного кресла. Его подарили домочадцы и оно не нравилось ба, потому что портило внешний вид комнаты. Но оно не стало любимым и для меня. Даже наоборот – я возненавидела его за эти три года.

Раньше, мне казалось, что я терпеть не могу английское кресло с ушами. Но оно хотя бы давало мне повод пройтись по этажу, заглянуть к Алексу в комнату и поцеловать его крохотный нос. А теперь решила, что все-таки люблю его.

А это... Оно было удобным и за ним и просиживала, вечерами готовясь к урокам и корпя над переводами, дающими мне заработать какие-никакие, но деньги. Свои собственные, а не данные мне бабулей, папой или дядей Андреем с Мариной.

– Пора заканчивать, Ида, – проговорила ба, оказавшись рядом совершенно магическим образом. – Или, завтра ты не проснешься.

Я не заметила, как она подошла ко мне, вновь увлекшись переводом. Перевела больше, чем абзац, пускай и в черновом виде.

– Ты знаешь, что это не так, – ответила я, посмотрев на затупившийся карандаш. – Завтра я еду к папе, а послезавтра большой день – у Сашки день рождения.

Не просто день рождения, а большое путешествие в Зеленоанск. Этот год принадлежит папе. Мы договорились о такой очередности. Он до сих пор обижался на бабулю (как и она на него) и сейчас уже не разберешь за что больше. Я, по правде говоря, не хотела ковыряться в этом. Что было то прошло. Но отказывать отцу во мне не собиралась.

– А ты будешь с красными глазами.

– До первой чашки кофе.

Вернее до первого бутерброда в Люсином исполнении. Они у нее такие, что нет никакого морального права есть и спать над ними. Они не просто вкусные, но и красивые, а все, потому что кухарка Спасских увлеклась фуд дизайном.

– Ты знаешь, что после моей смерти тебе достанется все, – вдруг проговорила бабушка, резко сменив тему с одной на другую. – Зачем ты делаешь это?

Впрочем, ба не стремилась поссориться, а просто спрашивала, как делала это обычно.

– Мне не нравятся разговоры о кончине, какой бы неизбежной она ни была для всех нас, – проговорила я, щелкнув по иконке дискеты. – Психолог сказал, что это нормально.

Я закрыла ноутбук, запустила карандаш в стаканчик для канцелярии и убрала блокнот в стол.

– Это старость во мне говорит, Ида, – сказала ба, нарушив молчание и перестав смотреть куда-то вдаль. – Вроде не думаю ни о чем таком, а оно все-таки проскакивает, показывая, что творится в моем подсознании.

Ба много раз говорила, что не боится конца. Но я не верила в это. Страшен не он, а перспектива потери близких и родных перед открывающейся неизвестностью.

– Я тебя люблю, ба, – проговорила я, потянувшись и обняв ее. – И не хочу терять.

Объятия объятиями, но надо было отвечать на заданный вопрос, иначе бабуля бы не отстала от меня. Она ждала, глядя на то, как я навожу порядок на столе.

– Потому что может случиться всякое – ответила я, повторив данный мне жизнью урок. – Я хочу, чтобы у меня были свои деньги на покупки, на подарки, на репетиторов для Сашки и на его будущее в конце концов.

Бабушка цокнула. Ей почему-то не нравился этот вариант имени Александра Николаевича. А вот меня бесило это непонятное

«Шура», как зовет она его, когда тот начинает резвиться активнее обычного.

– Я откладываю что-то на его учебу, что-то на себя, а что-то просто, чтобы было и преумножало капитал семьи Спасских.

– Ты Карамзина, – поправила ба, но тут же замаяла эту тему, зная, что она не приведет ни к чему хорошему. – Ты все еще злишься на меня за Лондон.

Как-то Аделаида Георгиевна завела тему о смене фамилии и вот тут-то ее не понял никто. Некоторые из домочадцев даже засомневались в ее рассудке.

– Я все еще помню, что случилось в Лондоне – поправила я и тут же добавила, чтобы промедлением не создавать новый повод для разговоров. – Мне не понравилось.

Мне пришлось по душе состояние независимости ни от кого и ни от чего. Так, что я даже поняла людей с баснословными состояниями – они обладали максимальной свободой от преград этого мира.

– Ты помнишь почему я заблокировала карту?

– Помню, – ответила я, вынув из корзины игрушки сына и расставив их на уже опустевшем рабочем столе. – Ты закрывала ее после того, как кто-то стал расплачиваться ей в супермаркетах, а после оплатил попойку в клубе.

Но точку в нашем с ним общении поставили вовсе не распечатки банка, которые мне показала бабуля, а СМИ.

Не подделка «Times» с новостью о моей помолвке с Николасом и даже не интервью, которое Костя дал британской прессе, а то, что нарыли на него британские журналоги.

– Не кто-то, а этот прокурорский сынок, – выдала ба с так и не утихшим гневом – с которым ты чуть было не связала свою жизнь!

Он оказался внебрачным сыном того самого прокурора на которого якобы напал мой папа.

– А до этого твоя мама, – продолжила она и даже повертела головой, ища что-то. – Мерзкая и подлая семейка!

Способ бабушки, которым она оградила меня от Краснова, до сих пор поражал воображение. Не только мое, но и дяди Андрея. Он очень долгое время отказывался общаться с ней дальше «привет, как дела?»»

– Вот уж точно – от осинки не родятся апельсинки!

Она считай подставила внука ради своей интуиции и романтических представлений.

Хорошо, что ничего не вышло, и регистраторша оказалась не из болтливых.

Но ба продолжает утверждать, что это не она и всё тут!

– Насчет завтрашной поездки...

Я засобиралась в ванную, осознав, что снова-здорово началось!

– Я тебя прошу не поднимай эту тему – попросила я, сложив плед и убрав его в шкаф. – Ни ты, ни папа не желаете уступать друг другу, а я не собираюсь ни мирить вас, ни быть третейским судьей.

Они взрослые люди и у них мнение, как говорит Люсьен. А у меня вся эта ситуация уже в печенках сидит!

Боже мой!

Я полностью пропиталась мыслями своих домочадцев! Скоро начну дребезжать на Сашкином языке. Я уже понимаю, чего он хочет и что именно имеет в виду!

– Постой, Ида, – остановила ба, взяв меня за руку. – Я не прошу тебя об этом, а предлагаю тебе подумать об общении с родней Алекса с другой стороны.

Я даже рот открыла в ответ. Совершенно по-глупому надо сказать. Просто удивительно слышать подобное от гордой и независимой ба. Если дело касается семьи Элджеронов, то ба просто-напросто перестает замечать их многочисленные изъяны.

– У Николаса есть отец, и он не сделал тебе ничего плохого.

– Ты предлагаешь напроситься к нему в родственники? – спросила я, приподняв брови от пришедшей на ум догадки. – Он не дал знать о себе до сих пор.

Объяснение тут очень даже просто – это не было так уж и нужно ему.

– Он может не знать о нем до сих пор.

Ба права – с родственников Николаса стало бы не рассказать ему об этом. Но все равно это было как-то чересчур.

– Бабуль, ты предлагаешь написать ему письмо?

Я хочу свернуть этот разговор, потому что мне становится больно думать об этом.

Прошло столько лет, а я все никак не могу смириться с тем, что произошло. Каждый новый год, день рождения и при любом удобном даже глупом случае загадываю одно и тоже желание «пусть он будет жив!»

Нелепо? По-детски? Ну и пусть! Я хочу этого всеми фибрами души!

Сейчас же мне больно потому что я чувствую, как невыносимо будет смотреть на то, как Саньку держит отец Николаса; как я стану смотреть на них двоих и увижу знакомые черты; как в один прекрасный момент поймаю себе на мысли, что тот самый человек не увидит и не научит сына тому, что умел один только он.

– Твое право не желать общаться с ними, – проговорила ба, крепко сжав палку. – Но ты не можешь не признать то, что Алекс должен общаться с бабушками и дедушками.

Что-то все-таки уложилось в голове прабабушки. Жаль, что на это понадобились годы.

– Делать шаг первой и признавать ошибки кому бы они не принадлежали, – сказала ба, как будто бы прочитав мои мысли. – Это и значит быть взрослой.

– Ба, я подумаю об этом, – пообещала я совсем не уверенная в этом, но тут же потребовала. – Прошу не предпринимать ничего, не получив мой однозначный ответ по этому вопросу.

– Научилась! – проворчала Аделаида Георгиевна, но в противовес этому ее глаза просияли. – На мою голову!

Три курса МГИМО научили меня кое-чему. Хотя, теперь я была совсем не уверена, что мне нужно это. Не потому, что не хотела учиться в универе мечты, а потому что понимала, что после всего случившегося карьера дипломата закрыта для меня.

– Расскажи мне всю правду, – попросила я, проводив ее в спальню. – История о том, что ты предвидела все и навидалась в жизни всякого, а потому решила сократить и упростить нам путь хороша, но этого недостаточно.

Ба пропустилась на кровать, уже не возражая на то, что я стала помогать ей приготовиться ко сну.

– Потому что ты удивительно похожа на меня.

Аделаида Георгиевна говорит, что, глядя на меня видит свою жизнь, но только без всех этих дурацких гаджетов, которые записывают каждый шаг богатеньких лентяев. Не только обеспеченных, но и простых смертных, но я не спорю с ней, убирая в шкаф туфли.

– Роберт шестьдесят лет тому назад косячил не хуже Николаса.

В ответ на мои приподнятые брови она кивнула, словно соглашаясь с ней и подтверждая, что нет слова лучше, чтобы описать непростительные ошибки.

– Из раз в раз он попадал в компрометирующие истории одна хуже другой. У него было много увлечений до встречи со мной, а поклонниц еще больше. Последней каплей в чаше моего терпения и накопленных обид была такая: я узнала о его помолвке из утренней прессы.

Я даже замерла, поймав себя на очередных подозрениях, что это ба, а не Краснов устроили подставу с газетой. Вот только Костя принес ее мне, купив в супермаркете. Устроить подлог такого масштаба? Я не считала это реальным. Да и какое значение это имело теперь?!

– Вот только я не учла тот момент, что «Таймс» в те времена порядком сдал, а также того, что среди поклонниц Роба хватало тех, кто обладал связями и возможностями выкинуть подобную шутку.

– Это уважаемое издание с серьезной репутацией, – произнесла я, убирая свернутый плед. – С каких пор она перестал иметь значения для них?

– Что тогда, что сейчас были в ходу невинные шутки, которые никогда не понимали воспитанные в строгости серьезные девчонки.

Ба рассказывает мне, как вспыхнула, узнав о предательстве. Роберт не просто использовал ее, а заставил поверить ему и даже подставил перед родной страной.

– Связь с ним не просто ставила под угрозу мою карьеру, а перечеркивала ее напрочь.

Я знаю, как обстояли дела в те времена. Мир действительно был проще, чем сейчас, но он готовился стать сложнее, обрастал не то броней бесчувственности, не то бородавками бесчеловечности.

– Но разве та шутка не реабилитировала тебя в глаза руководства и не показала, что все подозрения в твоей неблагонадежности не стоят выеденного яйца?

– Ты так уверена в том, что тогда я была такой же мудрой и осторожной, какой выгляжу сейчас? – поинтересовалась женщина не без насмешки. – Я была темпераментна, смела и влюблена в этого проходимца.

Она выбрала очень хорошее слово. Я бы также охарактеризовала Николааса и назвала, представься мне такая возможность.

– Совсем, как ты, Ида. С меня бы случилось отправиться в особняк, перелезть через ограду и отхлестать по щекам этого негодяя.

Я присела возле нее, улыбнувшись воспоминаниям. Тот поступок и правда был безумием.

– Вот только я не знала его адреса, представляешь? – выдала ба совсем тихо, поддавшись воспоминаниям. – Виктор Алексеевич Рахнин отправил меня в Богом забытое Перу, где я узнала, что я беременна от Роберта.

– Ба, не хочешь сказать, что мы...

Мне даже подурнело от таких перспектив.

– Спокойно, Ида, я женщина широких взглядов, но не до такой степени, чтобы выдать правнучку за ее дядю, – сказала ба, совсем другим голосом. – Вместо того, чтобы вернуться и рассказать о своем положении, я приняла предложение о замужестве, родила дочь и старалась не вспоминать о Роберте.

Ей было сложно, как и мне смотреть на Евангелину и не думать о нем. Но только тиф забрал у нее и это воспоминание.